

ОПРАВДАНИЕ ДЖОНАТАНА СВИФТА: ВЕРСИЯ ГРИГОРИЯ ГОРИНА

А. В. Кулькина
БГПУ (Минск)

Научн. рук. – Е. В. Гранкина, канд. филолог. наук, доц.

Аннотация. В данной статье поставлена задача раскрыть личность Джонатана Свифта – сатирика, философа, памфлетиста XVIII века – через рецепцию его сатирико-фантастического романа “Путешествие Гулливера” в произведении Григория Горина “Дом, который построил Свифт”. Образ писателя, возникающий в пьесе Г. Горина, – это образ страдающего человека, равнодушного к судьбам человечества. Русский драматург выступает своеобразным адвокатом Дж. Свифта, защищает его от обвинений современников и последующих поколений в мизантропии. Такого рода оправдание дает возможность рассмотреть схожие мотивы творчества обоих авторов более масштабно.

Ключевые слова: Джонатан Свифт; Григорий Горин; трансформация образов; русская драматургия XX века.

Объектом нашего исследования явилось творчество и личность великого англо-ирландского сатирика, полемиста, памфлетиста, философа XVIII века Джонатана Свифта сквозь призму восприятия его сатириком, драматургом, писателем, поэтом, жившим в другой стране и в другое время, – Григорием Гориним. И если о Дж. Свифте нам филологам, известно довольно много, поскольку его творчество изучается в рамках курса “Зарубежная литература”, то пьесы Григория Горина, к сожалению, остаются за рамками литературоведческих дисциплин. А вместе с тем Г. Горин – уникальный автор, и уникальность его в том, что он проявил индивидуальность во времена ограниченных возможностей в искусстве, и в литературном в том числе. Начало осознанного творчества Горина приходилось на 60-ые – 70-ые годы XX века, когда он учился в университете. Но его литературный талант проявился еще в детстве, как он не без иронии сам подмечал в автобиографии: “Писать я начал очень рано. Читать – несколько позже” [1]. Однажды стихотворения Горина показали Самуилу Яковлевичу Маршаку, и на вопрос “Стоит ли молодому, неизвестному поэту продолжать писать?” мэтр литературного Олимпа ответил: “Обязательно! ...Мальчик поразительно улавливает все штампы нашей пропаганды. Это ему пригодится. Если поумнеет, станет сатириком! – и, вздохнув, добавил: – Впрочем, если станет сатириком, то, значит, поумнеет не до конца...” [1]. Так определился литературный жанр, который станет ведущим в творчестве Горина, – сатира. Впрочем, погружение в этот жанр Горину далось не без труда: в школьном возрасте за первые успешные сатиричные произведения он был избит сверстниками, что доказало ему – он на верном пути. Социальная острота, злободневность и полемичность его пьес, по которым ставились спектакли, нередко приводили к снятию их из репертуара театра. Но это не остановило

автора. И он выбрал новый путь для достижения поставленной цели – рассказать о том, что волнует человека, показать ему противоречия мира, в котором он живет и зачастую сам же является виновником их возникновения. От современных сюжетов драматург метафорически ушел в мир аллюзий, реминисценций. В его произведениях стали появляться герои литературных произведений и исторические личности уже широко известные читательской публике – Герострат, Тиль Уленшпигель, барон Мюнхгаузен, граф Калиостро, Джонатан Свифт. Несмотря на то, что все они – “герои вчерашних дней”, герои прошлого, тем не менее эти образы оказывались поразительно живыми и понятными любому читателю и зрителю, потому что через них языком сатиры, которая у Горина всегда была сопряжена с философским осмыслением мира, он говорил о вечном – о жизни и смерти, о любви, свободе, вере, о правде.

Часто герои, восприятие которых было устоявшимся, традиционным еще со времен их появления в литературном произведении, под горинским пером претерпевали трансформацию. Например, в пьесе “Тот самый Мюнхгаузен” драматургом осмысливается образ появляющегося в книге немецкого прозаика Рудольфа Эриха Рапсе вруна, способного на самые невероятные выдумки. Но в произведении Горина Мюнхгаузен становится чуть ли не единственным героем, который среди всеобщей лжи и лицемерия всегда говорил только правду.

Однако не все герои Горина, следуя авторскому замыслу, подвергались перевоплощению. Обратимся к пьесе Г. Горина “Дом, который построил Свифт”, представляющей собой не только художественное переосмысление жизни и творчества исторической личности, но и являющейся проявлением горинской солидарности по отношению к писателю-сатирику. Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что “Дом, который построил Свифт” – это своеобразная защита и оправдание Гориным Джонатана Свифта, давно и прочно получившего статус мизантропа, разуверившегося в мире и человеке. К слову, мизантропом себя называл и сам Свифт, однако, по нашему мнению, это была, скорее, провокация, на которые так щедр был великий сатирик, чем признание в том, что он действительно ненавидит человечество.

Пьеса “Дом, который построил Свифт” (отметим, название произведения – это тоже аллюзия на английский фольклор, стихотворение, в переводе С. Маршака названное “Дом, который построил Джек”) – своеобразная проекция жизни ирландского писателя-сатирика, декана Собора Святого Патрика – Джонатана Свифта. И хотя он был довольно известен во времена Просвещения, наш непросвещенный современник едва ли сможет сказать, как называется одно из главных его произведений – “Путешествия в некоторые удалённые страны мира в четырёх частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей” (“Путешествие Гулливера”). А если и вспомнит, то, скорее всего, маркирует Свифта как детского автора, поскольку часто книга “Путешествие Гулливера” адаптируется для школьного возраста и сокращается до одного эпизода – пребывания Гулливера в стране лилипутов.

Григорий Горин своим произведением выстроил мост между, с одной стороны, первичным прочтением и вызванным им интересом к произведению Свифта и, с другой, осмыслением личности и творчества сатирика. Вероятно, оттого главным героем пьесы Г. Горина является не сам декан, а читатель или зритель, воплощенный в образе мистера Симпсона, психиатра, высланного опекуном советом в дом Свифта, так как последнего после написания книги “Путешествия Гулливера”, воспринятой обществом как непонятная, причудливая фантазмагория, признали душевнобольным, что было равносильно смерти. Тема смерти не случайно задает начало всему ходу повествования (отметим, что в реальной жизни Свифт не раз обращался к этой теме, в частности, он написал “Стихи на смерть доктора Свифта”, сам явился автором эпитафии, выгравированной на его надгробной плите). Первое, с чем сталкивается доктор Симпсон, это инсценировка смерти Свифта, которая, если уж происходит, как говорят горожане, то “ровно в пять, хоть проверяй часы” [2, с. 254]. Подобная пунктуальность, ежедневная готовность к смерти, а затем появление Свифта в повязке на глазах убеждает Симпсона в правильности диагноза: Свифт безумен.

Далее действие из мира большого перемещается в мир малый – Симпсон попадает в дом Свифта, который представляет собой не столько место его обитания, сколько воплощает его внутренний мир. Персонажи, живущие в доме декана, это не просто герои его книги – лилипуты, великан, гуинггмы, йеху – это получившие такое своеобразное осмысление размышления писателя, его философия мира и человека. Время Свифта – это время Просвещения с его культом разума. Свифт не был просветителем в его классическом понимании, он не считал, что разум человека – это единственное орудие преобразования мира. Вероятно, поэтому Горин в пьесе так много значения уделяет образам, связанным с трансцендентным, неподдающимся логическому, разумному объяснению, связанным с чувственным, интуитивным восприятием. Главная оппозиция в пьесе – это оппозиция разума без чувства, так называемого “чистого разума” (который воплощает Симпсон) и разума, не лишённого чувства, эмоции (Свифт).

Образ Свифта в пьесе своеобразен, он молчалив, взгляд его постоянно безучастен. И в реальной жизни в последние годы Свифт не мог говорить, что объяснялось последствием инсульта. Но гориновский Свифт молчал не от этого – он общался мыслями. Как сказал герой пьесы Патрик: “Декан перестал пользоваться словами. Они искажают смысл... Он изъясняется мыслями. Это высший способ разумных существ...” [2, с. 311]. У Горина Свифту не надо было говорить, потому что “он нанял актёров, чтобы те несли людям его мысли” [2, с. 309]. Но “власти оказались хитрей – они наняли зрителей. Круг замкнулся!” [2, с. 309]. Так в произведении начинает звучать еще одна важная проблема и для Горина, и для Свифта – проблема взаимодействия личности и общества, творца и обывателя, их трагического противопоставления, непонимания и нежелания понять то, что как будто нарушает общепринятые нормы, в социальном понимании – лишено разума, безумно. Эти зрители, этот социум – “самые

настоящие йеху” [2, с. 309]. Йеху (по произведению Джонатана Свифта “Путешествие Гулливера”) – отвратительные, глупые человекоподобные существа, воплощавшие самые низменные пороки человечества. И худшим йеху мог оказаться доктор Симпсон, который едва ли не убил своего пациента непониманием. Именно поэтому Ванесса, первая домоправительница, говорит: “Простите, доктор, но мне кажется, вы не сможете помочь мистеру Свифту. Лечить художника, не зная его творений...” [2, с. 275].

Мистер Симпсон не сразу пришел к осознанию и принятию того, о чем постоянно и без умолку, “минуя уши, не разжимая рта, напрямую!” говорил декан [2, с. 311]. В связи с этим показательна история лилипутов – маленьких людей в большом мире. Флим предаст Рельба, изменяя с его женой. Рельб готов наказать Флима, даже убить его. Однако в момент, когда Флим начинает тонуть в чашке с чаем, старается прийти ему на помощь. Но он слишком мал и сил для этого у него не хватит. Отчаянный крик Рельба: “Люди! Помогите нам!” – остается неуслышанным [2, с. 273]. У двух антагонистов – Симпсона и Свифта – эта история вызывает разные чувства и побуждает к разным действиям: Симпсон называет утонувшего Флима мушкой и стряхивает его на пол, считая, что больше нет поводов для огорчений. У Свифта эта история вызывает слезы, в негодовании он выплескивает чай в лицо Симпсону. Возможно, человек несовершенен, он ошибается, но это не значит, что он безнадежен и недостоин сочувствия – главный вывод из этой сюжетной линии. И здесь хотелось бы вновь вспомнить о том, что Свифт заслужил славу мизантропа. Но, на наш взгляд, прием, используемый Гориним со слезами Свифта, – это метафора оправдания: оправдание Свифтом человека и оправдание Гориним Свифта.

Итак, доктор, пришедший исцелять Свифта, своей прямолинейностью, стремлением к реалистическому объяснению реальности сужал круг непонимания вокруг декана, чем убивал его “ежесекундно, планомерно” [2, с. 309]. Мистер Симпсон смотрит на человека, но не видит его, слышит, но не стремится понять, что подтвердилось и после разговора с великаном, который рассказал о сложностях жизни большого человека среди маленьких людей. Доктор не старался читать между строк. Он видел только то, что вокруг декана собрались мошенники. Он не понимает, почему должен радоваться декан Свифт, когда бьют его окна камнями. Как говорит вторая домоправительница Эстер: “Сатирикам принято бить стекла. В этом специфика жанра. Поэтам бросают цветы, обличителям – бульжники. Это их слава и гонорар... Сатирик, который перестал возмущаться, – кончился. Его жизнь потеряла смысл” [2, с. 308].

Но, как небезнадежен человек, так же небезнадежен оказался доктор Симпсон. Со временем он принимает правила игры Свифта, обнаруживая, что в этом театре великого кукловода, театре, который, словно по меткому замечанию У. Шекспира, олицетворяет саму жизнь, театре, где главный актер – сам Свифт, “достигший в лицедействе совершенства”, ему – Симпсону – уготована собственная роль – роль Гулливера [2, с. 327]. Гулливер в произведении

“Путешествие Лемуэля Гулливера” являлся резонёром писательской мысли. И становится понятно, что доктор Симпсон разбил стену непонимания между собой и деканом.

На протяжении пьесы Горин не спеша раскрывает факты личной жизни декана, наполняет текст цитатами из произведений Свифта (например, фраза “В принципе я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя сердечно люблю конкретно Джона, Питера, Тома и так далее” взята из книги сатирика “Сказка бочки” [3]). Также в пьесе нашли отражение истории сердечных отношений Свифта и Стеллы, Свифта и Ванессы, что дало возможность некоторым исследователям жизни и творчества сатирика обвинять его в трусости, нерешительности, поскольку он так и не выбрал ни одну из них. Именно поэтому лапутяне, как представители будущего, изучающие жизнь Свифта, но мыслящие явно ограниченно, задают вопрос: “Стелла или Ванесса?”. Но они не получают ответа, потому что Свифт и в реальной жизни не сделал выбор, что дало некоторым исследователям его жизни и творчества обвинить писателя в малодушии и нерешительности. Горин же объясняет невозможность этого выбора великодушием и искренней любовью декана к обеим девушкам: “И не стоит потомкам мучиться над их тайной. Достаточно того, что измучились они” [2, с. 326].

Таким образом, личность сатирика Джонатана Свифта оказалась чрезвычайно близка и понятна сатирику Григорию Горину. Пьеса “Дом, который построил Свифт” – одно из самых сложных и философских произведений драматурга, которым он отвечает на обвинения тех, кто утверждал, что Свифт – человеконенавистник, наполненный язвительностью и желчью, критик и разрушитель самих основ человеческого общества, низведший “великого человека” до уровня йеху. То “суровое негодование”, которое Свифт стремился вызвать у читателей, в изображении Г. Горина имеет совсем другую природу: не человеконенавистничество, а бесконечное человеколюбие. Как говорит один из героев пьесы: “Если б Свифт и вправду ненавидел людей, он бы не делал это так страстно” [2, с. 306]. Мы уже приводили фразу Свифта о том, что он презирает животное, именуемое человеком, но сердечно любит конкретных людей. Многие критики, анализируя ее, упрекают писателя в том, что проще любить человека, чем человечество. Мы же вслед за Г. Гориним хотим привести слова-оправдания Свифта, сказанные им самим в “Стихах на смерть доктора Свифта”: “Всем людям, мнил он дать урок / *Казня не имя, но порок*” [4, с. 387]. Мы, читатели и зрители, должны понимать, что сам акт письма – это уже акт надежды, и все яростные и оскорбительные высказывания Свифта в сторону человечества оттого и звучали, что он был равнодушен к его судьбам.

Литература

1. Горин, Г. И. Автобиография / Г. И. Горин // Электронная библиотека RuLit [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.rulit.me/books/avtobiografiya-read-251117-1.html>. – Дата доступа: 16.02.2017.

2. Горин, Г. Дом, который построил Свифт / Г. Горин // Малое собрание сочинений. – СПб., 2015. – С.251–328.
3. Свифт, Дж. Сказка бочки / Дж. Свифт // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/swift_d/text_0015.shtml – Дата доступа: 16.02. 2017.
4. Свифт, Дж. Стихи на смерть доктора Свифта / Дж. Свифт // Избранное. – Л., 1987. – С. 375–387.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ